

ное: человек никогда не может высвободиться из-под влияния своего времени; нравственные и политические понятия времени связывают его. У Макиавелли понятие о нравственности было политическое, он говорил, что благо народа есть высший закон. С другой стороны, характер Цезаря имел для него тайную прелесть: он смотрел на него не с ужасом, а с тайным⁶ удовольствием⁶. Когда преклалась для него пора гражданской деятельности, в 1513 году он написал книгу *Del Principe* *, где явно оправдываются преступления и подаются для них уроки; все преступления делит он здесь на полезные и бесполезные и отвергает только последние, принимая первые необходимыми в государстве. В этой книге резко отделена нравственность частная от политической и гражданской; между ними нет ничего общего. Эта книга преимущественно доставила Макиавелли ту печальную известность, которой он пользуется доселе. Но происхождение этого сочинения замечательно⁶. Оно написано чрез год после падения того порядка вещей, которому принадлежала деятельность Макиавелли, написано человеком, который вытерпел пытку, «и что же? Книга посвящена Лаврентию Медичису⁶, сыну Петра, воинственному, но жестокому и хитрому князю, на беду или к счастью Италии рано погибшему», который представлял наиболее сходства с Цезарем. Одни говорили, что Макиавелли, написал эту книгу как низкий льстец, чтобы получить снова прежнюю свою должность; другие видели здесь скрытые намерения обличить современную политику, которой держались тогда князья итальянские⁷; третьи, наконец, объясняли это гораздо проще, сообразно с характером жизни и мнениями Макиавелли.

Для того чтобы познакомиться с характером той эпохи, мы приведем письмо Макиавелли к Францу Веттори⁷, товарищу его с детства, который был вместе с ним при дворе Максимилиана и который, будучи осторожнее, сохранил свое место. Макиавелли рассказывает ему свой образ жизни в своем маленьком поместье, жалуется на бедность и недостаток деятельности. «Рано утром,— говорит он,— выхожу я в поле и занимаюсь полезными делами: ловлю птиц, рублю лес и продаю его, выгадывая и обманывая; потом иду в трактир на большой дороге, где узнаю свежие новости и мысленно улетаю в город; потом ухожу я в лес и беру с собой одного из любимых писателей, особенно Данта, здесь приходят ко мне толпою воспоминания моего детства и молодости. После скудного обеда я опять отправляюсь в тот же трактир, сажусь играть в шашки с лавочником, мясником и так шумим о мелочах, что шум наш долетает до города». В другом месте говорит он: «Я не могу более терпеть, мне

⁶⁻⁶ Там же: надеждой (л. 39 об.).

* Князь, Государь (итал.).

⁷ Б II: является загадкой (л. 39 об.).

⁷ Там же далее: заклеить их пред целой Италией этой исповедью, которую он кладет им в уста (л. 39 об.).